

ЗДЕСЬ ВЛАСТЬ НЕ СОВЕТСКАЯ, А ВЛАСТЬ СОЛОВЕЦКАЯ

В стране полным ходом развивалась сеть тюрем и лагерей. Мысль об использовании труда заключенных для освоения труднодоступных районов страны давно будоражила умы советского руководства и теперь стала чудовищной реальностью. В необжитые, отстоящие иногда на сотни километров от административных центров районы, в тайгу, тундру, на острова привозились заключенные. Их первой задачей являлось строительство помещений для администрации и охраны, шалашей, землянок, барачков для себя, огораживание лагеря проволокой, а затем изнурительная физическая работа в лесу, штольнях, на сплаве и т. д., которая для лагерников в подавляющем большинстве заканчивалась смертью. Чем в более отдаленных районах находился лагерь, тем более жестокими были в нем условия пребывания. В первые годы советской власти огромная армия заключенных состояла в основном из представителей русской аристократии и чиновников царского времени, офицеров Белой армии, представителей духовенства, в особенности, большого числа монахов из разоряемых монастырей, людей административно провинившихся и уголовных преступников. В дальнейшем основную массу заключенных составляли крестьяне.

Днем зарождения лагерной системы считается 13 октября 1923 года, когда был образован знаменитый Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН). «Из многих десятков советских концентрационных лагерей Соловецкий по праву мог считаться самым суровым, и его имя было овеяно страшной славой. Распо-

Соловецкий лагерь особого назначения

Пересыльный пункт в Кемь

ложенный на островах Белого моря, на линии северного полярного круга, он был оторван не только от всех законов страны, но, казалось, издевался и над всеми законами человечности. Нигде не погибло столько жизней, нигде не был сильнее террор и откровеннее произвол, нигде не был более беспомощней заключенный, чем на острове Соловки»*.

Общим руководителем управления Соловецкого лагеря был назначен чекист Г. И. Бокий, а непосредственным начальником

Секирная гора

Ф. И. Эйхманс. Заключенные поступали в лагерь этапами, сначала по железной дороге до одного из пересыльных пунктов, расположенных в Кемии или Архангельске, а затем на пароме по Белому морю. СЛОН представлял собой архипелаг островов разной величины, центром лагеря считался монастырский кремль, расположенный на острове Соловецком. Основными видами работ островитян были лесозаготовка, строительство дорог, осушение болот, рыбный промысел. СЛОН был одним из самых суро-

вых лагерей, как по природным условиям, так и по отношению к заключенным. Это был своего рода испытательный полигон для создания по всей стране новых лагерей. Именно здесь были перепробованы всевозможные пытки, до которых мог додуматься только изощренный безбожный человеческий мозг. Специфическим для Соловков методом казни было пустить человека, привязанного к огромному бревну по бесконечным ступенькам, ведущим к подножью Секирной горы. Лестница была настолько крутой, что бревно никак не могло остановиться, давило и разби-

* Цитировано по Борису Солоневичу.

вало человеческое тело. Людей замораживали, нагих ставили «на комара», топили в болотах и т. д.

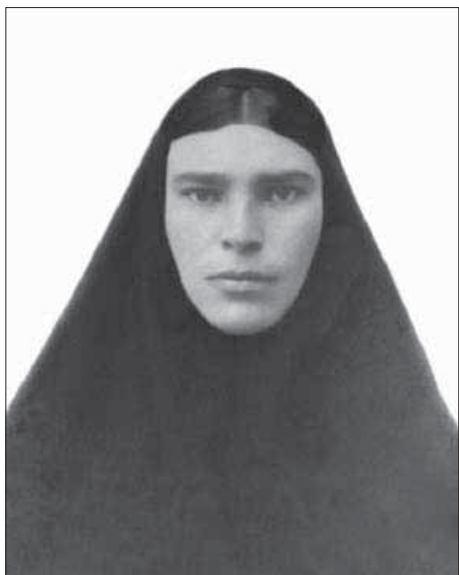
Уже к концу 1923 года число Соловецких узников достигало 5 тысяч, но духовенства с 1923 по 1925 г. на Соловках было немного. Это две группы клириков из Ростова-на-Дону и Новочеркаска, арестованные в 1923 году в связи с изъятием церковных ценностей, а также группа духовенства из Петрограда, поступившая в 1924 г. Основные поступления начались в 1926 году после провала тайных выборов Патриарха. Тогда на Соловках оказалось 29 православных иерархов и 120 человек прочего духовного звания. В 1927 – 1928 гг. в Соловецкий лагерь прибывали представители духовенства из числа «непоминающих»* и не принявших Декларацию митрополита Сергия, а также монахи и монахини из разоренных монастырей. В 1931 году число заключенного духовенства составило 500 человек, а общее число заключенных в Соловецком лагере и подведомственных ему базах в 1930 году достигло 62 тыс. 563 человека.

Церковнослужители на Соловках отбывали наказание на общих со всеми основаниях. Однако до 1929 года заключенным епископам и священникам позволялось ходить в рясах, посещать монастырскую церковь и содержались они отдельно от общей массы заключенных. Во время разводов никто из духовенства не заявлял протеста против назначения на ту или иную работу; никто никогда не просил более легкой работы; никто не жаловался на болезнь, они всегда христиански покорно шли туда, куда их назначали. В последующем, служители алтаря заняли на Соловках как бы привилегированное положение, что связано с исключительно честным и добросовестным выполнением ими принудительных работ.

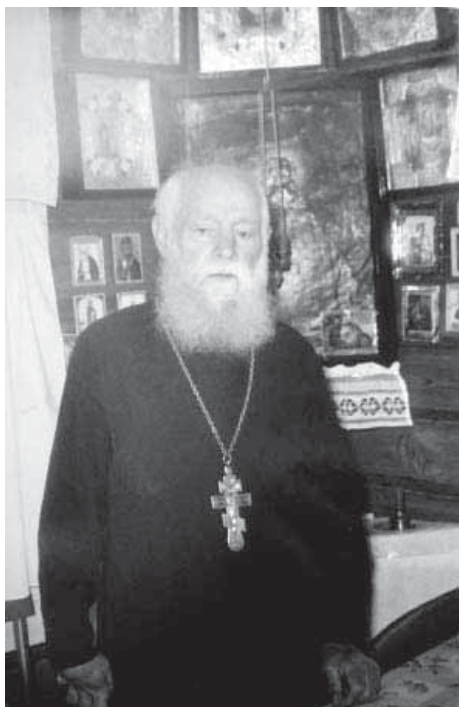
На Соловках отбывали сроки многие пензяки. Так, в 1930 году в Керенском уезде Пензенской губернии прокатилась волна арестов. Многие священники и монахини были заключены в Керенскую тюрьму, где всем предложили свободу в обмен на публичное отречение от Бога. Узники сделали свой выбор и получили по нескольку лет лагерей.

Монахиню Тихвинской обители Анну Ляпушкину сослали на Соловки. Вернувшись из заключения, матушка рассказывала, что в лагере люди ходили черные, изможденные, каждый день

* Те, что не поминали за литургией митрополита Сергия (Страгородского).

*Монахиня Анна
(Ляпушкина)*

*Протоиерей
Василий Богоявленский*

вывозили мертвецов. Руководящими людьми ставили архиереев, потому что и здесь видели их честность и доверяли. Поначалу приходилось обслуживать небольшую ферму, – были коровы, было и молоко. Но со стороны заключенных появился ропот, что монашка «снимает сливки», а другим достается мало. С отстранением м. Анны от этой работы среди скота начался падеж, и все пришло в упадок. Один из епископов назначил матушку на другую работу – лопатить зерно. Есть было нечего, приходилось грызть горох и чечевицу. Девушка терпеливо переносила все и непрестанно молилась: «Господи, сохрани мое девство». И Божия Матерь сохранила свое чадо: матушку освободили через 8 лет.

Вместе с монахиней Анной наказание отбывал священник села Пичпанда Спасского уезда Тамбовской губернии Василий Михайлович Богоявленский, которому в лагере сломали правую кисть. Это обстоятельство повлияло на всю его оставшуюся жизнь: впоследствии он уже не мог держать чашу со Святыми Дарами, исполнял обязанности псаломщика, исповедовал. Отец Василий скончался в 1996 году, будучи старейшим протоиереем Пензенской епархии.

В 1924 году в Соловецкий лагерь был отправлен епископ

Петр Соколов, временно управлявший приходами Пензенской епархии. Существует групповая фотография, где Владыка находится среди Соловецких епископов. Преосвященный Петр был освобожден из Соловков 31 октября 1926 года, после чего целый год безвыездно проживал в г. Кирсанове Тамбовской области.

Те, кому посчастливилось вернуться из Соловков, рассказывали о подвижниках, оставшихся там навсегда. В Соловецкой тюрьме закончился земной путь 80-летнего старца, настоятеля Покровской соборной церкви г. Чембара о. Иоанна Феодоровича Лагарпова, о котором надлежит сказать особо. Он родился в 1851 году в семье пономаря

села Троицкое Чембарского уезда. В 1872 году окончил Пензенскую духовную семинарию и сначала был учителем в Чембарском двухклассном училище. В 1873 году он был возведен в сан священника и первым приходом о. Иоанна стало село Безруковка Нижнеломовского уезда, где он прослужил 8 лет. О том, какую любовь и уважение снискал батюшка среди безруковских прихожан, говорит краткий эпизод прощания с первым приходом: «По окончании литургии и многолетия, о. Иоанн, как заметно было, хотел сказать прощальное слово своим духовным де-

Протоиерей Иоанн Лагарпов

тям, вышел на амвон с сильно заплаканными глазами, постоял и снова ушел; снова вышел, – долго стоял, но ничего не мог сказать, как только «простите меня». Все бывшие в церкви буквально зарыдали, и это рыдание продолжалось не менее четверти часа так, что никто не мог сказать слова»⁷¹. С 1881 по 1883 г. отец Иоанн был соборным священником города Керенска. С 1883 по 1913 г. – священником, а затем протоиереем Николаевской церкви г. Чембара, а с 1913 и вплоть до ареста, видимо, в 20-х гг. –

настоятелем Чембарского Покровского собора. Отец Иоанн был образованнейшим человеком, имел большую библиотеку. Вел праведную жизнь, был мыслителем и просвещенцем, оказывал духовную и материальную помощь всем страждущим, бедным и больным. Жители Чембара уважали его безмерно. Батюшка имел все награды приходского священника, неоднократно награждался архиерейскими благословениями: «За усердную службу по Духовному ведомству», «За отличное поведение и весьма ревностное исполнение пастырских обязанностей», «За усердную службу по народному образованию» и т. д. Он всегда избирался благочинным округов, был членом Епархиального училищного совета. Наконец, удостоился таких высоких наград, как серебряные медали и знаки от общества Красного Креста, орденов Св. Анны III и II степеней. В 1922 году батюшка противостоял изъятию в Чембаре церковных ценностей и попал в списки неугодных, а несколько позднее, в конце 20-х гг. дом Лагарповых был razорен, имущество разграблено, а сам батюшка репрессирован. По свидетельству его внучатой племянницы Людмилы Филипповны Сас, батюшка Иоанн был отправлен на Соловки. Тучного

Священник Николай Шиловский

телосложения он в Соловецкой тюрьме был связан, поднят веревками на колокольню, затем четвертован и сброшен вниз по частям.

Не вернулся с Соловков и бывший священник Керенского монастыря о. Николай Петрович Шиловский. Отец Николай был добрейшим человеком уже преклонного возраста, числился за штатом, занимался огородом, а весной

1930 года с группой мирян и монахинь был арестован и отправлен из Керенской тюрьмы этапом на Север, в Соловки. До определенного времени от батюшки приходили письма...

29 ноября 1941 года в Устьвымлаге Кировской области умер 70-летний священник Василий Николаевич Иванов. Отец Василий рано овдовел, имел троих детей, проживал в Наровчате и Нижнем Ломове у своей сестры Анны. Скитался. Незадолго

до ареста служил псаломщиком в Наровчате. В 1937 году был арестован Наровчатским отделением НКВД «за высказывания недовольства притеснениями властью священников, обложением их налогами, как сельхозпроизводителей». В течение месяца батюшка содержался в Наровчатской тюрьме, откуда был выслан на север. Через 7 месяцев сестра получила от него короткое письмо: «Ну, Анюточка, мы больше с тобой не увидимся. Прощаюсь. Мы на Соловках, строим Беломорканал». После этого связь с о. Василием прервалась навсегда.

По дороге на Соловки в Кемском лагере погиб священник Василий Федорович Надеждин. Он родился в 1895 году в Москве в семье дворцового служащего. Окончил Духовную семинарию, обучался в Московской Духовной Академии. Василий Федорович был тесно связан с Пензенским краем. В 1919 году, чтобы поддержать овдовевшую сестру Екатерину с тремя малолетними сыновьями, он уехал с ней в село Никольский Поим Чембарского уезда к своему другу, священнику Иоанну Козлову, известному епархиальному миссионеру. Здесь в Поиме он устроился учителем математики в местной гимназии. В апреле того же 1919 года Василий Федорович ненадолго отправился в Москву, где обвенчался со своей невестой Еленой Сергеевной Борисоглебской, дочерью певца Большого театра. После венчания молодые супруги вернулись обратно в Поим, где жили до 1921 года. Здесь в Чембарском уезде Василий Федорович укреплялся духом, готовился к священству, здесь познакомился со священником Миха-

*Иерей Василий Надеждин,
священномученик*

Ивановичем, священником из села Борисоглебское, дочерью певца Большого театра. После венчания молодые супруги вернулись обратно в Поим, где жили до 1921 года. Здесь в Чембарском уезде Василий Федорович укреплялся духом, готовился к священству, здесь познакомился со священником Миха-

илом Дмитриевичем Соловьевым, впоследствии архиепископом Тихвинским Мелитоном.

В 1921 году, 3 июля, в Неделю Всех святых, в земле Российской просиявших, Василий был рукоположен святым Патриархом Тихоном в сан диакона, а 7 июля – в иерея к церкви Святителя Николая у Соломенной Сторожки в Москве. 28 октября 1929 года о. Василий был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму, откуда отправлен на Соловки. Всю зиму из-за отсутствия навигации о. Василий оставался на пересыльном пункте в Кеми. В бараке его поместили на место больного сыпным тифом, а вскоре он заболел и сам. В санчасти во время укола ему занесли инфекцию, от чего развилась гангрена.

24 декабря 1929 года, будучи смертельно болен, о. Василий написал супруге письмо, которое семья получила в день его смерти. «Господи, помоги мне сделать это дело хорошо... Сегодня, в день Ангела моего старшего сынка, моего Додика, мне пришла мысль грустная, но, кажется мне, правильная, что я должен написать прощальное письмо на случай моей смерти... Ибо, если я заболею тифом, то писать уже не смогу, никого из близких не увижу и не услышу, не смогу ничего передать им, кроме этого письма, если оно будет написано заранее и... если Господь устроит так, что оно дойдет до моих близких... Это письмо должно заменить меня, прощание со мною, участие в моих похоронах, которые произойдут здесь без участия моих близких, без их молитвы и слез... Пишу все это спокойно и благодушно, ибо в душе живет неистребимая «надеждинская» надежда, что я вовсе не умру здесь, что я уеду из этого проклятого места и увижу еще всех моих дорогих... Но это будет дело особой милости Божией, которой я, может быть, и не заслужил, – а потому пишу это письмо.

Первое слово к тебе, моя дорогая, любимая, единственная Элинька, моя Ленуся! Прежде всего, благословляю тебя за твою верную любовь, за твою дружбу, за твою преданность мне, за твою неисчерпаемую нежность – неувядающую свежесть любовных отношений, за твою умную чуткость ко всему моему, за твои подвиги и труды, связанные с пятикратным материнством, за все лишения, связанные с твоим замужеством, наконец, за все эти последние слезы разлуки после моего ареста... Да воздаст тебе Господь за все, да вознаградит тебя любовь наших детей, любовь моих печальных родителей (если они переживут меня), моих братьев и сестер, всех моих друзей. Увы, я так мало любил тебя

за последние годы, так мало принадлежал тебе духовно; благодарю тебя за наши последние встречи в Ильинском, на Сенеже; благодарю тебя за то, что ты удержала меня при себе и просила не торопиться переезжать на новую квартиру. Как хорошо нам было вместе в нашей кают-компании! Как ярко вспоминаю я наш уют, наш светлый мир, наше семейное счастье, тобою созданное и украшенное! Десять лет безоблачного счастья! Есть что вспомнить! есть, за что следует горячо благодарить Бога. И мы с тобой должны это сделать... во всяком случае – и в том, если ты уже меня не увидишь на этом свете... Да будет воля Божия! Мыждемся радостного свидания в светлом царстве любви и радости, где уже никто не сможет разлучить нас, – и ты расскажешь мне о том, как прожила ты жизнь без меня, как ты сумела по-

*Священномученик Василий
Надеждин на болезненном одре*

христиански воспитать наших детей, как ты сумела внушить им ужас и отвращение к мрачному безбожному мировоззрению и запечатлеть в их сердцах светлый образ Христа.

Прошу тебя, не унывай, я буду с тобой силою моей любви, которая «никогда не отпадает». Мое желание: воспитай детей церковно и сделай их образованными по-европейски и по-русски: пусть мои дети сумеют понять и полюбить книги своего отца и воспринять ту высокую культуру, которой он дышал и жил. Приобщи их к духовному опыту и к искусству, какому угодно, лишь бы подлинному. Кто-то из моих сыновей должен быть священником, чтобы продолжать служение отца и возносить за него молитвы. Ведь я так мало успел сделать и так много хотел! Элинька, милая моя! Если бы ты знала, если бы знали люди, как мне легко было любить, и как я был счастлив чувствовать себя в центре любви, излучающейся от меня и ко мне возвращающейся. Как мне сладко было быть священником! Да простит мне Господь мои слабости и грехи по вашим святым молитвам! Благодарю тебя за твою музыку, за музыку души твоей, которую я услышал. Прости, родная! Мир тебе. Люблю тебя навсегда, вечно...».

Узнав о болезни отца Василия, матушка добилась разрешения приехать к умирающему мужу. Она писала родным из Кеми: «Хожу утром и вечером вдоль деревянного забора с проволокой наверху и дохожу до лазарета, где лежит мое кроткое угасающее солнышко. Вижу верхнюю часть замерзшего окна и посылаю привет и молюсь. В три часа делаю передачу молока, бульона (кур здесь достать можно), получаю его расписку, написанную слабым почерком. Вот и все! Ночь проходит в тоске и мучительных снах. Каждый раз, как отворяется дверь нашей квартиры, я смотрю, не пришли ли сказать роковую весть... Его остригли, изменился он сильно и исхудал, говорят, перевязки мучительны и изнуряют его... Я так счастлива, что живу здесь и могу помочь ему хоть сколько-нибудь... Прошу отца Владимира помолиться; на Маросейку и Дмитр. передайте...».

В день кончины, 19 февраля 1930 года, священномученик Василий сподобился принятия Святых Христовых Таин. Последние слова его были: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны». В 2000 году на Юбилейном Архиерейском Соборе отец Василий Надеждин был прославлен в лике святых, как священномученик Василий Московский, память его совершается в день смерти.

Тяготы лагерной жизни и душевные муки соловчан нашли отражение в их неповторимом творчестве. Глубоко прочувствованные строки, написанные в соловецкой неволе, мало кого оставят равнодушным. Простой русский человек Владислав Кемецкий (Свешников), потерявший во время эмиграции своих родителей, в конце 20-х вернулся на Родину, в Россию, где был арестован и отправлен на Соловки, откуда уже не вернулся. В 1930 году, будучи в заключении, он написал одно из своих замечательных стихотворений.

Песнь о возвращении

Разбиваются в море льды,
Вдоль тропы прорастает трава,
Острый запах соленой воды
Обволакивает острова.

Разбиваются льдины, звеня,
Хриплый ветер кричит, смеясь...

Ты едва ли узнаешь меня
В нашей встрече в вечерний час.

Снег блестит на моих висках,
На лице – морщины легли,
Ибо тяжко томит тоска
На холодном краю земли...

Слишком долго к тебе одной
Белой вьюгой рвется душа,
Когда сполох мерцал надо мной,
Как прозрачный твой синий шарф.

Слишком много ночей я вникал
В зимних звезд летящую мглу –
Ожерелья твои вспоминал,
Ниспадающие на грудь...

Я приду – и внесу в твой дом
Запах водорослей и смолы,
Я приду поведать о том,
Что узнал у замшелой скалы.

И прочту я тебе стихи
О стране, где не пахнут цветы,
Не поют по утрам петухи,
Не шуршат по весне листья.

Расскажу тебе про народ
Неприветливых этих мест –
Он отважно и гордо живет,
Бьет тюленей и рубит лес...

Потускнеют в камине огни,
Затуманится голова...
Все равно, ни к чему они,
Человечьи, пустые слова...

Замолчу, оборву рассказ,
 Попрошу для трубки огня...
 Может быть, хоть на этот раз
 Ты сумеешь услышать меня.